

О.В. Бессмельцева

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия)*

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ «ВНУТРЕННЕЙ» И «ВНЕШНЕЙ» ЭМИГРАЦИИ 1930-1940-х гг.

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с комплексным изучением немецкоязычной литературы внутренней и внешней эмиграции 1930-40-х гг. Ставится вопрос о возможности выявления сходжений в проблематике и поэтике этой литературы, имеющей общим истоком литературу Веймарской республики. Интерес представляет тема утопии, которая разрабатывается в 1920-е гг. и продолжается в литературе эмиграции на фоне философских и социологических дебатов об утопическом мышлении.

Ключевые слова: эмиграция, утопия, романы, писатели-эмигранты.

В исследованиях немецкоязычной литературы 1930-40-х гг. долгое время традиционно выделяли по меньшей мере две группы – творчество «внешних» и «внутренних» эмигрантов. Определяющим для классификации считалось не сходство художественных приёмов, а общность внешних условий, обусловивших творческий процесс внутри каждой «группы». «Внутренних» и «внешних» эмигрантов рассматривали как антагонистов. Считалось, что комплексный анализ литературного процесса 1930-40-х гг. невозможен.

Автономное изучение каждой из «литератур» привело в ряде случаев к смещению целей и искажению предмета исследований. Изучение литературы «внешних» эмигрантов в рамках исследований эмиграции превращается зачастую в «поиск общего и характерного для существования в эмиграции» [Deutschsprachige Exilliteratur 1984: 3]. Возникает опасность «с одной стороны, чрезмерного типологического абстрагирования, <...> с другой стороны – выбора в качестве основных лишь некоторых аспектов и лишь под определённым углом зрения» [Ibd.]. Так, анализ литературы эмигрантов 1930-40-х гг. у

Й. Стрелки сводится к выделению в этой литературе ряда типичных для эмиграции тем: жизнь в изгнании, опыт встречи с Чужим, тоска по родине, кризис искусства, критика тирании, построение утопии [Strelka 1983: 51-66]. Также внимание исследователей привлекают те языковые и стилистические особенности произведений авторов-эмигрантов, которые свидетельствуют о контакте с иной культурой страны эмиграции. Такой подход, вписывая немецкоязычную литературу 1930-40-х гг. исключительно в контекст литературы эмиграции, в какой-то мере лишает её исторической и культурной специфики.

Что касается исследований литературы «внутренней эмиграции», то здесь ставится проблема «дешифровки», обнаружения «скрытого подтекста», содержащего критику нацистского режима, а также следов «внутренней» цензуры в произведениях «внутренних» эмигрантов. Исследователи задаются вопросом об общих тенденциях в поэтике, например, о специфическом изображении пространства – замкнутого, давящего, передающего опыт творчества в «закрытом» тоталитарном государстве под гнётом идеологии и цензуры.

В 1970-х гг. западные германисты начали пересматривать подход, основанный на строгом разграничении не только «литератур» 1930-40-х гг., но и направлений в литературоведении, изучающих этот период. Появились исследования, восстанавливающие историю понятия «внутренняя эмиграция» с опорой на исторические документы 1930-40-х гг. Результаты [Wohlgemuth-Berglund 1974] показали, что отношения между «внутренней» и «внешней» эмиграцией впервые стали конфликтными в конце 1945 г. в связи с открытой перепиской между «внутренней» эмиграцией (в лице В. Моло и Ф. Тисса) и «внешним» эмигрантом Т. Манном. Т.е. было бы неверно проецировать ситуацию раскола после 1945 г. на отношения между оппозиционными писателями в 1930-40-е гг. Даже в последние годы войны в эмиграционной публицистике и дневниках писателей встречаются призывы к противостоянию гитлеровскому режиму с обеих сторон – снаружи и изнутри. То же стремление восстановить «единство» немецкой литературы и

культуры дало повод к так наз. «большой полемике». Вальтер фон Моло, обращаясь к Т. Манну, призывал эмигрантов вернуться в страну, чтобы совместными усилиями укрепить дух немецкого общества, освобождённого от режима, но сломленного изнутри. За письмом Моло последовало обращение Тисса, чьи произведения выходили в 1930-40-е гг. с одобрения национал-социалистической цензуры. Тисс попытался укрепить своё ставшее щекотливым положение и фактически обвинил Т. Манна и эмигрантов в бегстве от гражданской ответственности. Именно Тисс закрепил за выражением «внутренняя эмиграция» не самую лучшую славу, которое это понятие имеет в немецкоязычном пространстве. Т. Манн в ответе на открытые письма заявил, что вся литература, опубликованная в гитлеровской Германии, ничего не стоит и её «неприятно брать в руки» [Die große Kontroverse 1963: 31].

Но ещё в 1938 г. тот же Т. Манн говорил о немецкой оппозиции как о «наш, немецких людей внутренней и внешней эмиграции» [Mann 1938: 9]. Протест против режима у Т. Манна и ряда других писателей «внутренней» и «внешней» эмиграции проявлялся не в поддержке оппозиционных партий, но в отрицании ведущей роли политики в организации общественной жизни. Писатели искали новых форм организации общества, основанных на самых общих гуманистических принципах, и считали, что политике следует стать «гуманистической утопией» [ср. Broch 1978: 364]. Важный толчок к социальным преобразованиям в направлении «гуманизации» должно было дать «этическое» искусство, в котором эстетические особенности произведений должны были отражать содержание этической программы писателя.

В результате такие авторы, как Г. Брехт, Т. Манн, Г. Гессе, Р. Музиль, Ф. Верфель, не будучи «аполитичными», всё же сознательно держались в стороне от т.н. «реальной политики» и уходили в своего рода добровольную изоляцию. С другой стороны, именно эта приверженность к гуманистическим идеалам сближала писателей не в рамках партии, но на почве дружеских контактов, через переписку, встречи и дискуссии. Так, в Швейцарии в доме Гессе собираются Т. Манн и Б. Франк; так,

Э. Вайс, который с 1934 г. живёт во Франции почти в полной изоляции, ищет контактов со С. Цвейгом и Т. Манном; так Брех между 1934 и 1938 гг. развёртывает обширную переписку (с Т. Манном, Верфелем, Цвейгом, Тиссом, Э. Виеттой и др.) на фоне накаляющейся политической обстановки (Австрия зажата в тисках между Гитлером и Муссолини).

Внимательная работа с документами «внутренней» и «внешней» эмиграции заставила пересмотреть подходы к изучению литературного процесса 1930-40-х гг. В 2002 г. выходит сборник «Катастрофы и утопии: внешняя и внутренняя эмиграция», составитель которого считает традиционное разделение автоматизмом, в силу которого «хотя и утверждаются очевидные различия, но вместе с тем постоянно отрицаются возможные соответствия» [Naarmann 2002: 8].

При этом историческая ситуация в немецкоязычных странах в 1930-е гг., несомненно, сообщает общие импульсы для творчества оппозиционных писателей, впоследствии «разделившихся» на «внутренних» и «внешних» эмигрантов. Как реакция на политическую и культурную катастрофу (сожжение книг в 1933 г., выставка «дегенеративного искусства» в 1937 г.) возникает множество утопических проектов, оспаривающих радикализм идеологии: политическая сфера вторгается в сферу художественную, но одновременно и в искусстве строятся модели взаимодействия художника, общества и государства, в которых авторы ищут выход из сложившейся ситуации.

Следует учесть и социально-политический фон предшествующего периода (1918-1933 гг.). После поражения в Первой мировой войне для Германии и государств, возникших на территории бывшей Австро-Венгрии, остро встал вопрос о новом государственном устройстве. Поиск новых форм общественной жизни стал делом не только теории, но и практики, что усилило веру в «утопическое мышление». С 1920-х гг. об «утопичности» как свойстве мышления рассуждали социологи К. Мангейм, Э. Блох, Т. Адорно. Они видели в литературных и политических утопиях проявление «естественного» утопизма, неотъемлемого свойства

человеческого сознания. Характерно, что наблюдениями социологов интересовались и писатели. Обмен мнениями происходил в переписке и на страницах эмигрантских изданий, например, в журнале «Мера и Ценность» (Maß und Wert, 1937-1940): в числе его авторов Мангейм, Т. Манн, Брех, Вейс, А. Дёблин, Музиль, Гессе, Блох, В. Беньямин, Верфель, Г. Манн, Франк и др.

Через призму дебатов об утопии, протекавших особенно оживлённо в первой трети XX в., можно попытаться выработать комплексный подход к изучению литературного процесса 1930-40-х гг. [Vovkamp 2016]. Можно отметить вслед за А.В. Михайловым, что интерес к утопии в культуре никогда не случаен: «утопические картины появляются не просто как следствие <...> сошедшихся вместе обстоятельств, но и как следствие своего рода трагического равновесия <...> – не слишком статично и не слишком динамично, не слишком бесперспективно и не слишком перспективно <...>, не слишком пассивно и не слишком активно» [Михайлов 2000: 211–212]. 20-е гг. XX в. оказываются именно такой эпохой «трагического равновесия», богатой идеями и разочарованиями, вызванными неудачными попытками реализации этих идей. А.В. Михайлов в том же пассаже называет «трагизм» характерным свойством утопии в связи с тем, что «видимо, нет ни одной <...> книги-утопии, которая не была бы в то же время опровержением таковой, не была бы антиутопией» [там же].

Сходного мнения придерживается и Фоскамп. Он отмечает, что утопия – это в первую очередь критика и отрицание существующего социального порядка [Vovkamp 2016: 20–21, 26]. Одновременно утопии свойственна и «самокритика». Модель идеально функционирующего общества строится на механизмах исключения «нежелательных» факторов, нарушающих «равновесие» в социуме. Такой метод идёт в разрез с принципами гуманизма (в иерархии ценностей утопии государство и общество стоят выше, чем личность). Утопия двойственна, т.к. в ней критика существующего порядка через создание альтернативной модели общества распространяется и на эту новую модель. Поэтому жанр утопии

оказывается особенно востребован в ситуации повышенного контроля государства за литературным процессом: даже изображая утопию в согласии с государственной идеологией, можно одновременно заронить сомнение в безупречности и моральной оправданности этой идеологии. Так, для «внутренней» эмиграции обращение к жанру или элементам утопии при тщательном рассмотрении вполне может свидетельствовать не об эскапизме или коллаборации, но о желании артикулировать внутреннее неприятие государственной идеологии.

Осмысление собственной гражданской позиции на фоне событий в Германии 1930-х гг. становится насущной необходимостью даже для авторов, сторонящихся политических групп. Их социальная деятельность пестрит «утопическими» проектами¹, черты «утопизма» носит и творчество. Утрированное изображение существующих и построение «альтернативных» моделей общественного устройства характерно не только для «интеллектуальных» романов («Иосиф и его братья» Т. Манна, «Игра в бисер» Гессе, «Наваждение» и «Смерть Вергилия» Броча). «Островные» модели и «утопии будущего» возникают у самого широкого ряда писателей-эмигрантов (Б. Франка в «Сервантесе», С. Цвейга в «Бразилии – стране будущего», Верфеля в «Звезде нерождённых»), а также у представителей «внутренней» эмиграции (Э. Миттерер, Э. Ланггэссер, В. Бергенрюна, Э. Юнгера, Тисса).

Романы этих авторов предлагают одну или несколько моделей общественного устройства, чаще негативных утопий, показанных глазами главного персонажа. При этом во внутренней этической установке героя намечена возможность ещё одной, принципиально новой формы социального взаимодействия. Интересно, что внутренние этические принципы, которым следует персонаж, не выводятся из

¹ Проект единого антифашистского издательства Цвейга (1934); резолюция Лиги наций Г. Броча (1936); проект «Город человека» (The City of Man, 1940), в котором участвовали Т. Манн и Броч, а также ряд других эмигрантов и американских гуманистов.

исторической ситуации, а, скорее, противопоставлены ей. В этом контрасте внешней «исторической» действительности с «внутренней» установкой персонажа дан намёк на возможность новой перспективы даже в ситуации, которая кажется безвыходной. Автономная этическая установка героя постепенно преобразует изнутри то общество, в котором действует персонаж. Так возникает надежда на реорганизацию общества — не по политическим и государственным соображениям, а в силу этической автономии личности, из «естественного» чувства человеколюбия, которое персонаж обнаруживает в себе и в окружающих. Как правило, эта модель «гуманного» общества так и остаётся недостижимой целью, и её единственным материальным воплощением становится текст романа, в котором в биографии протагониста открывается этот «внутренний» потенциал человечества к собственной «гуманизации».

Литература

Михайлов А. В. Об одной позднепросветительской утопии (1993) // Михайлов А.В. Обратный перевод. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 211–221.

Broch H. Und trotzdem humane Politik: Verwirklichungsmöglichkeiten einer Utopie (1949) // Broch H. Politische Schriften. Bd 11. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1978. S. 364–396.

Deutschsprachige Exilliteratur. Studien zu ihrer Bestimmung im Kontext der Epoche 1930 bis 1960 / Hg. W. Koepke, M. Winkler. Bonn : Bouvier, 1984.

Die große Kontroverse. Ein Briefwechsel um Deutschland / Hg. J. F. G. Grosser. Hamburg : Nagel, 1963.

Haarmann H. Vorbemerkung // Katastrophen und Utopien. Exil und Innere Emigration (1933-1945). Berlin : Bostelmann und Siebenhaar, 2002. S. 7–12.

Mann T. Dieser Frieden. Stockholm : Bermann-Fischer, 1938.

Strelka J. P. Exilliteratur. Grundprobleme der Theorie, Aspekte der Geschichte und Kritik. Bern, Frankfurt a. M., New York : Peter Lang, 1983.

Vorßkamp W. Emblematic der Zukunft: Poetik und Geschichte literarischer Utopien. Berlin : De Gruyter, 2016.

Wohlgemuth-Berglund G. Einige Anmerkungen zum Begriff der «Inneren Emigration». Stockholm : Univ., 1974.

УДК 821.161.1-43(Эренбург И.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444

К.М. Потапенко

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА И ОБРАЗ АВТОРА КАК ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЕДИНСТВА КНИГИ И.Г. ЭРЕНБУРГА «ВОЙНА»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению мотива и образа автора как важнейших факторов художественного единства сборника публицистики И.Г. Эренбурга «Война» (1941–1945). Подробно анализируются мотивы зверя и театральности, определяется их значение в развитии сюжета. Рассматривается роль образа автора в раскрытии мотивов. Выявлены отличительные черты образа автора в книге Эренбурга «Война».

Ключевые слова: образ автора, художественное единство, литературные мотивы, публицистика, русская литература, русские писатели, литературное творчество.

Сборник публицистики И. Эренбурга «Война» (1941–1945) необходимо рассматривать как художественное единство. Ученые выделяют разные составляющие художественного единства произведения. Так, М.С. Штерн выделяет следующие уровни, на которых проявляется целостность художественной конструкции: «1) идейно-тематический уровень, мотивная структура; 2) внутренний ассоциативный комплекс, смысловые связи между компонентами; 3) художественный мир произведения; 4) уровень субъектной организации; 5) композиционный уровень; 6) ритмический рисунок каждого целого» [Штерн 1991: 17]. О.В. Мирошникова рассматривает объединяющие книгу факторы: «1) последовательность, расположение и